

ФАКТОРЫ И ПРЕДИКТОРЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ В РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Сергей Ткач (s.tkach@spbu.ru),

Ольга Игоревна Бурдина,

Вероника Александровна Одинокова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ткач С., Бурдина О.И., Одинокова В.А. Факторы и предикторы обращения за психологической помощью в религиозные организации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 211–232.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.8>. EDN: DZISAS

Аннотация. Рассматривается влияние различных факторов на обращаемость за психологической помощью к представителям официальных религий. Среди них вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы. В качестве теоретической основы работы выступает многокомпонентная модель когнитивных констелляций и теория многоликого христианства Р. Коллинза. Объектом исследования выступают факторы обращения к религии (вера в сверхъестественное, наличие опыта обращения к психотерапевтам, положительное отношение к психотерапии со стороны знакомых и социально-демографические факторы), предметом исследования — взаимосвязь перечисленных факторов с обращением к религиозным организациям. Выборочная совокупность составила 1200 респондентов, репрезентативная для Санкт-Петербурга по полу и возрасту. Цель исследования — установить, как вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы влияют на факт обращения за психологической помощью к представителям официальных религий. Данные, полученные в рамках анкетного опроса, проанализированы при помощи регрессионной модели наименьших квадратов. В качестве зависимой переменной выступала ранговая шкала обращения за психологической помощью в религиозные организации. Согласно результатам, можно отметить зависимость положительного опыта обращения к психотерапевтам и склонности обращаться к религиозным организациям. Полученные выводы возобновили дискуссию о религиозной или мистической природе психотерапии. Наши результаты не затрагивают научность/паранаучность самих оснований психотерапии, однако они раскрывают связь общественных представлений в этом вопросе. Природа связи в сознании россиян психотерапии и религиозных практик видится авторам направлением для дальнейших исследований. Также полученные результаты могут послужить рекомендациями для разработки психотерапевтических программ и методик, учитывающих фактор религиозности в работе.

Ключевые слова: теория констелляций, психотерапия, религиозность, вера в сверхъестественное, факторы обращения за психологической помощью.

Введение

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на общее психологическое благополучие россиян (Володина и др. 2022): люди чаще стали испытывать тревогу (Якшимбетова и др. 2022), депрессивные состояния (Камхен и др. 2021), иные расстройства настроения. Однако одновременно с ростом обращения к традиционным формам оказания психологической помощи (Абдуллин и др. 2023) мы наблюдаем также возросший интерес россиян к религиозным организациям. Под религиозными организациями мы будем понимать учреждения, относящие себя к организованным формам религии. «На фоне роста религиозных настроений в обществе в последние годы выросла доля россиян, которые регулярно, минимум раз в месяц, посещают церковь (мечеть, синагогу). Если в 2012 г. таких было 7 %, то в наши дни — 15 %, в два раза больше» (ВЦИОМ 2023). Эти изменения являются частью современных трансформационных движений отношения к религии и ее роли в жизни человека. Цифровизация (Шишигина 2022), инструментализация цифровых практик сопровождаются новым взглядом на религию и новой религиозностью (Гаврилова, Попова 2022), в которой строго каноническое знание оказывается переплетенным с магическими ритуалами, доказательной психотерапией и бытовыми взглядами. Это явление требует всестороннего теоретического и эмпирического рассмотрения со стороны научного сообщества, как в ключе факторов, которые влияют на обращения в религиозные организации, так и в ключе их взаимосвязи с верой в сверхъестественные силы и отношения к традиционной психологической помощи.

Литературный обзор

Исследовательский интерес к трансграничной тематике психологической помощи, религиозных воззрений и веры в сверхъестественное возникает в социологии во второй половине XX в. с исследований сообществ нью-эйдж-психологии. И. Тэйлор в своей монографии показывает, что культура, объединяющая в себе академическую психологию и веру в сверхъестественное, сформировалась в контркультурном движении 1960-х годов. Это движение, будучи глубоко социальным явлением, включало в себя представителей континентальной философской традиции (особенно философии психоанализа) в американской академии, антивоенном движении и заключалось в возросшем интересе к достиже-

ниям органического синтеза в химии (Taylor 1999). Широкая поддержка движения в различных интеллектуальных кругах распространило его идеи далеко за пределы изначальных субкультурных рамок, сделав элементом практик повседневности самых разных людей. Осознанная медитация, программа «12 шагов», акупунктура и другие современные элементы культуры, отмечает Тэйлор, также являются наследием движения. В. Ханеграаф пишет, что корни этого движения обнаруживаются еще в оккультных практиках середины XIX в., объединивших в себе веру в спиритуализм и интерес к психологии. Ханеграаф замечает, что культуру синтеза психологии и веры в сверхъестественное можно называть «новыми старыми религиями», так как в их основе лежат канонические представления о христианстве: бессмертная душа, эсхатологические сюжеты, концепция греха и др. Также многие знаковые представители этого движения открыто позиционировали себя христианами (Hanegraaff 1997). П. Витз пишет, что в массовом сознании психология ассоциируется с идеями К. Юнга, А. Маслоу, Э. Фромма, К. Роджерса, Р. Мэйа. Содержание теорий этих авторов и то, как это содержание преломилось в общественном представлении, сделали психологию и психотерапию комплементарными религии. Психология, как и религия, стала играть эпистемическую, эвристическую и деонтологическую роль в жизни людей (Vitz 1994). Т. Сшас идет дальше, обнаруживая в философском метафорическом ядре психотерапии те же элементы, какие мы ожидаем увидеть в религиозном учении. Исследователь пишет, что метод и школа психотерапии представляют собой систему теоретической и прикладной этики, выраженную в терминах болезни, здоровья и лечения. Психотерапевт скорее отражает личность, ценности и устремления основателей методической школы, которую он представляет (Szasz 1974). О тематической общности психотерапии и религии также пишут М. Мидау (Meadow 1986) Г. Кёниг и Дж. Притчетт (Koenig, Pritchett 1998), А. Бёргин (Bergin 1980).

Среди социологических исследований связи религии и психотерапии можно выделить несколько центральных концепций: рациональный выбор религии, религиозная конверсия, секулярная теория религии, функциональная теория религии. Секулярная теория исходит из допущения о преходящей роли религии в истории: религия когда-то возникла и обязательно исчезнет. Здесь справедливо привести образ Grand Etre, под которым О. Конт понимал общество и которому должны начать поклоняться люди вместо поклонения богу в религии (Корсаков 2012). М. Вебер выражает эту мысль в концепции «расколдовывания», где современное индустриальное общество постепенно демистифицирует образ мира, наполняя его научными объяснениями некогда религиозных

явлений (Хабермас, Тягунова 2010). Психотерапия здесь как основанная на научной рациональной психологии должна вытеснять религиозное мировоззрение. Наиболее явно этот вердикт выносит З. Фрейд в своей работе «Будущее одной иллюзии» (Фрейд 1989). Кризис секулярной теории, как пишет Е. Руткевич, наступает при более пристальном рассмотрении эмпирических данных американского общества, которые слабо согласуются с ситуацией в Европе. Разнообразие возможных конфессий и учений, а также близость их моральных оснований, делают возможным выбор религии. Процесс такого выбора оказывается хорошо объяснимым в рамках концепции рационального выбора. Общим для новой парадигмы рассмотрения религии оказывается представление о церквях как о коммерческих организациях, которые борются на рынке религии за спрос со стороны населения (Руткевич 2013). В нашем обзоре этот поворот к новой парадигме позволяет рассматривать психотерапию и религию не как антагонистичные, а как комплементарные явления. Здесь стоит упомянуть эквивалентную функциональность М. Вольраб-Сар, обстоятельно изложенную в рукописи В. Исаевой (Исаева 2014). Обращению к психотерапии, как правило, предшествует возникновение какой-либо проблемы и/или депривация (социальная лишенность, ограничение). Религиозная практика и психотерапия представляют эквивалентные функции утешения, структурирования мировоззрения, социализации, а потому могут рассматриваться людьми как возможные эквивалентные пути решения существующих в жизни проблем. Другим важным аргументом в пользу рассмотрения в едином объекте исследования психотерапии и религиозных практик являются общественные изменения, схваченные оптикой социологии духовности — возникновение и распространение неопределенной религиозности, о которой пишут Д. Воас и А. Кроккетт. Между строгим каноном религиозных учений и психотерапией возникают и получают широкое распространение множество духовных практик, которые могут быть отнесены как к психотерапии, так и к религии, как бы размывая для социологов границу между ними (Voas, Crockett 2005).

Приведенные работы демонстрируют явный и прочный фундамент связи практик психотерапии и религиозных практик: исторически в организации самого религиозного и психотерапевтического знания, а также в области затрагиваемых тематик. Однако все еще актуальным остается вопрос, насколько обнаруживаемый фундамент оказался устойчив со временем, насколько в современном обществе психотерапия оказывается связанной с религиозностью и какие факторы способствуют обращению за психологической помощью в религиозные организации.

Методология

Религиозность как явление социальной жизни пронизывает множество ее граней: экономическое благополучие, феноменологию повседневности, ценностные ориентации и другие аспекты. Р. Коллинз на примере североамериканского христианства демонстрирует, что внутреннее целостное верование, построенное на единой системе канонических текстов и обычаев, расслаивается на независимые системы взглядов, замкнутые внутри экономических классов, как их называет сам Р. Коллинз. Наиболее бедные группы населения используют религию инструментально: они регулярно обращаются к богу для помощи в бытовых делах. Для среднего класса религия меньше связана с конкретными ритуалами и выступает предметом метафизической рефлексии или моральным нарративом. Наиболее обеспеченные классы используют религию как элемент легитимации общественного устройства: богатство и положение в обществе им видятся дарованными богом, а потому справедливыми (Collins 1994). Саму идею о такой связи между религией и классами Р. Коллинз берет у М. Вебера. Однако впоследствии он ее дополняет собственным осмыслением ритуала, где подробнее (среди прочих элементов) рассматривает связь инструментальных религиозных ритуалов и низкого финансового благополучия (Collins 2004). К сходным выводам приходят представители депривационной теории в религии. Под депривацией понимается остро переживаемое чувство обделенности человека в чем-либо в сравнении с другими (Яковлева 2015). Выходом из такой позиции может служить обращение к религии.

В социологических работах о религии и ее проявлениях в жизни людей заслуживают внимания констелляционные теории эмпирической традиции американской социологии. В них религиозные взгляды понимаются как элементы устоявшихся и плотно связанных констелляций из идей. То, какую форму примут религиозные воззрения, оказывается элементом более глубоких структур, неизменных на протяжении всей жизни и передаваемых по наследству (Funk et al. 2013). Причем эти структуры одинаково влияют и на религиозность, и на веру в сверхъестественное, и на политические убеждения (Hornsey et al. 2016), и даже на вкусовые предпочтения (Ruisch et al. 2020). Отсюда, например, мы можем предположить, что инструментальное понимание религии в терминологии Р. Коллинза будет находиться в одной констелляции с верой в астрологию, домовых, привидений и другие проявления сверхъестественного.

Кроме компонентов нашей теоретической модели финансового благополучия и веры в сверхъестественное, интересным также видится компо-

нент о связи между психологической помощью и религиозностью. Существуют различные пути, которые может принимать мысль, когда выстраивает логическую цепочку доказательства. Такие цепочки будут отличаться по своей форме в зависимости от когнитивного стиля, как об этом писал А. Шютц (Schutz 1990). Например, форма доказательства через теорему и доказательства через божественное откровение в нашей теоретической модели будут отличаться лишь когнитивным стилем самого процесса доказательства, но восприниматься они будут внутри разных когнитивных стилей как равно достоверные. Как показано в работе И. Бьянки (Bianchi 1989), мы можем предполагать синонимичность когнитивных стилей психологии и религиозных учений. По этим причинам мы можем сформулировать гипотезу, что для людей, которые находят психологию заслуживающей доверия, религиозные воззрения также будут заслуживать доверия.

Изложенные теоретические позиции могут быть структурировано представлены в схематической теоретической модели исследования (рис. 1).

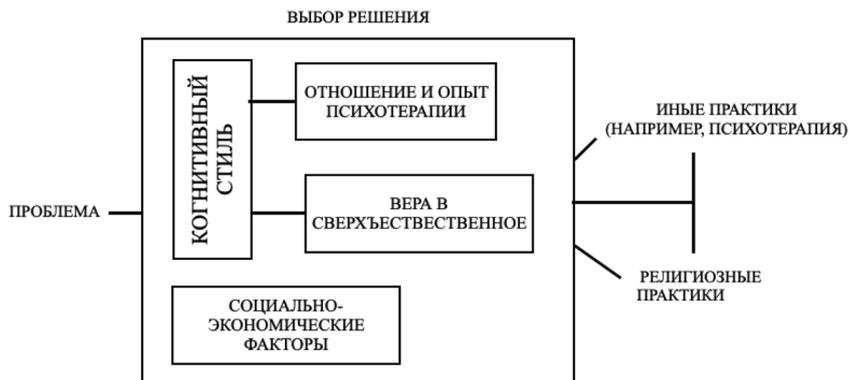

Рис. 1. Теоретическая модель исследования

Обращению за помощью, как правило, предшествует какая-либо проблема или состояние депривации у человека. На выбор принимаемого решения, к кому обратиться, влияет ряд факторов. Мы сконцентрируем свое внимание на когнитивном стиле человека и социально-экономических факторах. Когнитивный стиль в повседневности будет выражаться в конкретных установках о психотерапии, религии, сверхъестественном. Человек может решить либо обратиться к представителю религии за помощью, либо не обратиться (например, обратиться к психотерапевту либо ни к кому

не обращаться). Обозначенные концепты операционализированы в ряде конкретных вопросов, которые задавались респондентам (табл. 1).

Таблица 1

Операционализация основных концепций теоретической модели

Концепция	Формулировка вопроса
Отношение и опыт психотерапии (теория констелляций Бьянки)	
Предубеждения о психотерапии	
	За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство
	Качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу
Опыт и отношение окружения респондента	
	Ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией
	Как вам кажется, как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией?
Опыт респондента	
	Насколько вы удовлетворены полученной психологической помощью
Вера в сверхъестественное (теория констелляций Бьянки)	
	Можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии
	Предсказания по расположению звезд и планет (астрология)
Социально-экономические факторы (теория религиозных ритуалов Коллинза и теория депривации)	
	Уровень образования
	Уровень совокупного дохода семьи
	Возраст

Когнитивный стиль, по Шютцу, имеет социальную природу. Пространство значений, которые человек наделяет онтологическим статусом, формируется через специфический жизненный опыт. Само наделение онтологическим статусом определяет уровень субъективного доверия не только к содержанию аргументов, но и к форме, в которую такие аргумен-

ты выстраиваются. Подробно этот факт рассмотрен на примере теорий заговора М. Вуд и др., которые показывают, что структура изложения конспирологических теорий оказывается более значимым аргументом поверить в них, нежели их содержание. По этим причинам люди с конспирологическим когнитивным стилем верят в нередко противоречивые теории (Wood et al. 2012). При этом такой когнитивный стиль связан с предыдущим субъективным опытом человека (Radnitz, Underwood 2015) и ориентацией на рефератную социальную группу (Bessi 2016). Впрочем, примеры для таких выводов мы без труда можем найти и в иных сообществах, например научном, когда ученые поддерживают теории, вступающие в противоречие друг с другом. Применительно же к вере в сверхъестественное, религиозности и психотерапии можно привести работу Б. Пост и Н. Уэйда, где продемонстрирована связь растущей параллельной популярности психотерапии, религиозности и веры в сверхъестественное (Post, Wade 2009). В нашей терминологии мы можем говорить об общем когнитивном стиле этих областей.

Резюмируя, сформулируем три основные гипотезы нашего исследования, опираясь на представленную трехкомпонентную теоретическую модель:

1. Обращение за психологической помощью к религиозным организациям отрицательно связано с уровнем дохода. У более бедных россиян скорее будет обнаруживаться инструментальное понимание религии.
2. Также обращение за помощью будет положительно связано с верой в сверхъестественное вообще.
3. Обращение в религиозные организации будет положительно связано с позитивным опытом обращения к психотерапевтам и позитивным установкам в отношении психотерапии вообще.

Объектом исследования выступают факторы обращения к религии (вера в сверхъестественное, наличие опыта обращения к психотерапевтам, положительное отношение к психотерапии со стороны знакомых и социально-демографические факторы), предметом исследования — взаимосвязь перечисленных факторов с обращением к религиозным организациям. Под обращением в религиозные организации мы понимаем именно обращение за психологической помощью в соответствии с формулировкой вопроса, который задавался респондентам: «Приходилось ли вам когда-либо в своей жизни обращаться по поводу своих психологических проблем или жизненных трудностей к представителям официальных религий?» Перед вопросом интервьюеры конкретизировали, что далее речь пойдет о психологической помощи.

Выборочная совокупность составила 1200 респондентов, репрезентативная для Санкт-Петербурга по полу и возрасту. Средний возраст составил 46,1 лет, стандартное отклонение — 15,61 лет. Доля мужчин — 45 %, доля женщин — 55 %.

Целью исследования было установить, как вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы влияют на факт обращения за психологической помощью к представителям официальных религий.

Данные, полученные в рамках анкетного опроса, были проанализированы при помощи регрессионной модели наименьших квадратов. В качестве зависимой переменной выступала ранговая шкала обращения за психологической помощью в религиозные организации (не обращался(ась) за помощью, обращался(ась) однажды, обращался(ась) несколько раз).

Результаты

Респондентам был задан вопрос об уровне дохода и уровне образования. Почти две трети (74 %) ответивших имеют высшее образование, 7,5 % — неоконченное высшее, 13,4 % — среднее профессиональное образование, 4 % — среднее общее образование. Говоря об уровне дохода, респонденты чаще всего отмечали, что им хватает на мелкую бытовую технику, но крупные покупки требуют накоплений (42 %) или же что им хватает на крупные покупки, но не на покупку недвижимости или автомобиля (30,5 %). По 7 % респондентов отвечают, что «им хватает на покупку недвижимости или автомобиля» и что «им хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения». Также 11 % ответили, что им хватает на продукты питания и одежду, но не на мелкую бытовую технику.

Далее мы спросили респондентов об их вере в сверхъестественное и об опыте обращения в религиозные организации. Среди респондентов верят, что можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии, 13,7 % ответивших на вопрос. Доля респондентов, которые верят в предсказания по расположению звезд и планет (астрологию), составляет 29,2 %. А обращались к религиозным организациям за психологической помощью как минимум единожды 25,7 % респондентов.

В отношении традиционной психологической помощи респондентов спросили, обращались ли они сами к психотерапевтам: 61,7 % респондентов не обращались ни разу, 23,9 % делали это хотя бы единожды и 14,3 % обращались неоднократно. Среди обратившихся — полностью или скорее

были удовлетворены 68 % ответивших. Всем респондентам был задан вопрос об отношении их самих и их знакомых к психотерапии. С утверждением «за психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство» так или иначе были согласны 10 % респондентов. С утверждением, что «качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу», согласны большее число респондентов — 34 %. У 75 % респондентов кто-либо из их знакомых обращался за психологической помощью к психотерапевтам. А у 48 % респондентов знакомые одобряют или скорее одобряют, если они сами обратятся к психотерапевтам за подобными услугами.

Анализ

В первой регрессионной модели (табл. 2) продемонстрирована связь между убеждениями в веру в сверхъестественное и обращением в религиозные организации за помощью. Независимые переменные представляют собой дихотомические переменные, где респонденты выбирали, верят они или нет в конкретное явление. Построенная регрессионная модель позволяет объяснить 63,2 % вариативности зависимой переменной. Обращению в религиозные организации способствует вера в способность при помощи магии влиять на судьбу, в астрологию и в потусторонние силы (домовых, привидений и т.д.) Это позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о констелляционной природе убеждений респондентов. Среди верующих респондентов 93,6 % относили себя к православию, 2,6 % — к исламу. Вера в какие-либо из перечисленных явлений, что интересно, противоречит каноническим текстам и православия, и ислама.

Таблица 2

Регрессионная модель связи веры в сверхъестественное и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,632$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии	0.5630	0.024	23.446	0.000
Предсказания по расположению звезд и планет (астрология)	0.2456	0.087	2.812	0.005

Вторая регрессионная модель (табл. 3) связывает социально-демографические характеристики и опыт обращения в религиозные организации. Первоначально выдвинутую гипотезу о большей популярности инстру-

ментального подхода к религии среди более бедных групп населения подтвердить не удалось. Более того, к религиозным организациям обращаются более образованные россияне. Также небольшая позитивная связь наблюдается в отношении возраста.

Таблица 3

Регрессионная модель связи социально-демографических характеристик и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Уровень образования	0.1112	0.017	6.511	0.000
Уровень совокупного дохода семьи	0.0911	0.015	5.967	0.000
Возраст	0.0084	0.001	7.485	0.000

Обращаясь к таблице 4, можем заметить, что позитивное отношение к психотерапии скорее способствует обращению к религиозным организациям. Независимые переменные представляли собой степень согласия с предложенными утверждениями. Наличие опыта знакомых и положительное отношение со стороны знакомых к традиционной психологической помощи особенно способствует тому, что респондент обратится к религиозным организациям. Исключение составляет лишь утверждение «за психологической помощью обращаются только люди, имеющие

Таблица 4

Регрессионная модель связи убеждений относительно психотерапии и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство	0.1297	0.025	5.211	0.000
Ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией	0.1201	0.027	4.375	0.000
Как вам кажется, как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией?	0.0974	0.023	4.290	0.000
Качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу	0.0784	0.019	4.188	0.000

заболевания, психическое расстройство», однако его интерпретировать удалось при помощи дополнительного анализа.

В четвертую регрессионную модель (табл. 5) были включены только те респонденты, которые самостоятельно обращались за психологической помощью. Как видим, если респонденты удовлетворены качеством оказанной им помощи и полагают, что помощь оказывают только людям с ментальными расстройствами, мы можем ожидать, что те респонденты, которые самостоятельно имеют ментальное расстройство, хорошо относятся лично к психотерапии и имеют знакомых, которые также хорошо относятся к психотерапии, скорее обратятся к религиозным организациям. Это позволяет нам утверждать, что в России наблюдаются описанные Тэйлором сообщества и подтвердить последнюю гипотезу о связи религии и традиционной психотерапии. Положительный опыт психотерапии, похоже, заставляет людей обращаться к другим сходным по своему когнитивному стилю практикам: к услугам религиозных организаций.

Таблица 5

Регрессионная модель связи убеждений относительно психотерапии и опыта обращения в религиозные организации среди респондентов, обратившихся за психологической помощью к психотерапевтам, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Насколько вы удовлетворены полученной психологической помощью	0.1560	0.032	4.811	0.000
За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство	0.1241	0.046	2.683	0.008
Насколько вам известно, ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией	0.1163	0.053	2.215	0.027
Как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией	0.0799	0.041	1.928	0.055

Дискуссия

Полученные результаты возобновили дискуссию о религиозной или мистической природе психотерапии, но в ином ключе. Наши результаты не затрагивают научность/паранаучность самих оснований психотерапии, однако они раскрывают связь общественных представлений об этом во-

просе. Конечно, мы не можем делать строгих выводов, что в сознании россиян психотерапия кажется религиозной практикой. Это скорее направление для дальнейших исследований. Мы лишь можем отметить зависимость положительного опыта обращения к психотерапевтам и склонности обращаться к религиозным организациям. Обращаясь к теории когнитивных стилей и констелляций, мы можем обозначить направление для дальнейшей валидации наших выводов: насколько вера в отдельные религиозные постулаты соотносится с верой в терапевтический эффект традиционной психотерапии.

Полученные результаты о связи образованности и религиозности подтверждаются работами об особенном положении религии в России в сравнении с зарубежными странами. Если в США и ряде европейских стран образованные люди, как правило, реже обращаются в религиозные организации, то в России религия, как об этом пишут Н. Рис (2005) или А. Юрчак (2016), а также более подробно М. Эпштейн и др. (Epstein et al. 2015), оказалась пристанищем образованной интеллигенции в последние годы Советского Союза и в годы постсоветской истории. Вероятно, эта тенденция, существовавшая в 1990-е годы, сохраняется и сегодня.

Полученные результаты о положительной связи обращения за психологической помощью и финансовым благополучием оказываются ближе к критикам деривационного подхода, которые полагают, что обращению к религиозным практикам должны предшествовать удовлетворение базовых материальных потребностей (Furseth, Repstadt 2006: 113). Однако здесь есть и важный российский контекст. Религиозность в постсоветское время вплетается в культуру финансового успеха и бизнес-этики. В межстрановом сравнении бизнес-ценностей И. Дзялошинского и М. Пилгуна только итальянская бизнес-культура оказывается более религиозной (Dzialoshinskiy, Pilgun 2015). О связи между ценностью финансового благополучия и религиозности пишут также Г. Бессокирная и др., отмечая, впрочем, сложное внутренне устройство такой ценностной связи (Бессокирная и др. 2023).

Бёргин в ставшей классической статье показывает, что психотерапия в своей риторике ошибочно обращается к атеистической картине мира, построенной на научном прагматизме. Такая позиция идет вразрез с теистическим материализмом людей, преимущественно обращающихся за психотерапией, что согласуется с результатами нашего исследования. Более того, как показывает Бёргин, атеистичность психотерапии, вступая в конфликт с широко распространенной религиозностью людей, приводит к снижению качества самой терапии (Bergin 1980). Этот же тезис не находит существенного подтверждения в нашем исследовании. Люди, обра-

щающиеся к религиозным организациям, скорее довольны качеством оказываемой им традиционной психотерапии.

О связи религиозности и психотерапии свидетельствует и другое исследование Бёргин, в котором отмечается, что около 80 % всех психотерапевтов называют себя верующими людьми (однако лишь 41 % регулярно посещают церковь и выполняют иные религиозные ритуалы) (Bergin, Jensen 1990). В то же время А. Эллис замечает, что ценностные ориентации и мировоззрение в гуманистической этике, на которую чаще всего опираются психотерапевты, оказываются комплементарными или вовсе идентичными таковым в религиозном мировоззрении. Это уже может объяснить, почему респонденты, которые затем обращаются к религиозным организациям, будут скорее довольны традиционной психотерапией (Ellis 1980). В более позднем исследовании Л. Гоффман и Г. Уолах показано, что 57 % психотерапевтов считали себя религиозными или верующими в сверхъестественное, а темы религиозности и веры в сверхъестественное поднимали 22 % их пациентов (Hofmann, Walach 2011).

Сопоставление психотерапии и религиозных практик позволяют рассматривать их как два эквивалентных института, как выбор в пользу одного или другого, возможно, как конверсию (в трактовке, например, С. Брюса /Bruce 2006/). Переход от религии к психотерапии и обратно, их совмещение может значительно зависеть от биографического пути человека — выявление структуры и содержания таких связей может быть направлением дальнейших исследований с использованием как статистических методов, так и биографического.

Выделяемый авторами когнитивный стиль, связывающий психотерапию, религиозность и веру в сверхъестественное, обладает собственными преимуществами. К. Дивисенко и А. Белов исследуют участников сообществ духовных практик. В таких сообществах люди, как правило, позитивно относятся и к психотерапии, и к религиозным практикам. Дивисенко и Белов показывают, что участники таких сообществ обладают большой жизнестойкостью, которая позитивно сказывается на их субъективном благополучии (Дивисенко, Белов 2017). Авторы, основываясь на этом и результатах исследования, дают рекомендации о включении в психотерапию религиозных и священных образов, что должно повысить качество терапии и доверие со стороны пациентов за счет схожести когнитивных стилей сообществ, формирующихся вокруг психотерапии, и религиозных сообществ.

Говоря об ограничении нашего исследования, следует упомянуть географию опроса. Безусловно, рассматриваемые феномены (религиозность, вера в сверхъестественное, обращение к психотерапии) встречаются

не только в Санкт-Петербурге. Однако характер связи между ними может варьировать в зависимости от населенного пункта, культурных особенностей, доступности услуг психотерапии и т.д. Также ограничениями обладает выбранный метод сбора эмпирических данных: опрос не позволяет детально рассмотреть, какие значения вкладывают респонденты в религиозность, психотерапию, доверие определенным институтам и т.д. Кроме того, вне фокуса внимания осталась проблема, с которой респонденты обращаются к психотерапии или религиозной помощи. Исследование механизмов возникновения и развития у людей ощущения, что с конкретной проблемой им поможет справиться психотерапия или религиозные практики, может быть осуществлено с обращением к качественным методам исследования, что также может быть направлением дальнейшей работы.

Выражение благодарности

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 121062300141-5. Авторы выражают благодарность рецензентам за обстоятельные и плодотворные комментарии.

Литература

Абдуллин А.Г., Тумбасова Е.Р., Кукар У.Ю. (2023) Психологические последствия пандемии COVID-19. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 28 (1), 58–64. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64>.

Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. (2023) Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества. *Социологическая наука и социальная практика*, 11(3): 6–36. <https://doi.org/10.19181/snsr.2023.11.3.1>.

Володина К.А., Рагулина А.А., Русяева И.А. (2022) Психологическое состояние студентов в условиях дистанционного обучения в период пандемии COVID-19. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 10(1): 59–72.

Гаврилова Ю.В., Попова А.А. (2022) Роль депривации в трансформациях индивидуального религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19. *Социология*, 1: 184–192.

Дивисенко К.С., Белов А.Э. (2017). Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности. *Социологический журнал*, (2): 51–73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>.

Исаева В.Б. (2014). Современные концептуальные модели социологии конверсии. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 166: 108–113.

Камхен В.Б., Калиева Д.А., Нурализода М. (2021) Ассоциация расстройств тревожно-депрессивного спектра и качества жизни трудоспособного населе-

ния в контексте covid–19. *Вестник Казахского Национального медицинского университета*, 1: 107–111.

Корсаков А.И. (2012). Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*, 40 (2): 80–92.

Рис Н. (2005) «Русские разговоры»: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение.

Руткевич Е.Д. (2013). «Новая парадигма» в социологии религии: pro и contra. *Вестник Института социологии*, 6: 207–233.

Фрейд З. (1989). *Будущее одной иллюзии. Сумерки богов*. М.: Политиздат.

Хабермас Ю., Тягунова Т. (2010). Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания. *Социологическое обозрение*, 9(1): 27–52.

Шишигина М.А. (2022) Цифровые практики в прогрессивном иудаизме в России во время пандемии COVID-19. *Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве*, (1): 45–63. <https://doi.org/10.31168/0470-1.05>.

Юрчак А.В. (2016) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Яковлева Ю.А. (2015). Факторы нетрадиционной религиозно-групповой идентификации индивидов. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, (3–2): 250–252.

Якшимбетова А.И. и др. (2022) Тревога и депрессия у пациентов, перенесших новую коронавирусную инфекцию SARS-CoV-2. *Re-health journal*, 2: 95–98.

Bessi A. (2016) Personality traits and echo chambers on Facebook. *Computers in Human Behavior*, 65: 319–324.

Bergin A.E. (1980) Psychotherapy and religious values. *Journal of consulting and clinical psychology*, 48(1): 95.

Bergin A.E., Jensen J.P. (1990) Religiosity of psychotherapists: A national survey. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 27(1): 3–7. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.27.1.3>.

Bianchi E.C. (1989) Psychotherapy as religion: Pros and cons. *Pastoral Psychology*, 38, 67–81. <https://doi.org/10.1007/BF01094868>.

Bruce S. (2006) Sociology of Conversion: The Last Twenty-Five Years. In: Bremner J.N., Bekkum W.J., Molendijk A.L. (eds.) *Paradigms, poetics, and politics of conversion*. Leuven: Peters: 1–11.

Collins R. (1994) *Four sociological traditions: Selected readings*. Oxford: Oxford University Press.

Collins R. (2004). *Interaction ritual chains*. Princeton: Princeton University Press.

Dzialoshinskiy I., Pilgun M. (2015). Axiological Foundations of Business Ethics in the Post-Socialist Russia: Intercultural Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 5(3): 263–273.

Ellis A. (1980) Psychotherapy and atheistic values: A response to A. E. Bergin's "Psychotherapy and religious values." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 48(5): 635–639. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.48.5.635>.

Epstein M.N., Genis A.A., Vladiv-Glover S.M. (2015) *Russian postmodernism: New perspectives on post-soviet culture* (Vol. 3). Oxford; N.Y.: Berghahn Books.

Funk C.L. et al. (2013) Genetic and Environmental Transmission of Political Orientations. *Political Psychology*, 34(6): 805–819.

Furseth I., Repstad P. (2006) *An Introduction to the Sociology of Religion. Classical and Contemporary Perspectives*. Burlington, VT: Ashgate.

Hanegraaff W. J. (1997) *New Age religion and Western culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. N.Y.: State University of New York Press.

Hofmann L., Walach H. (2011) Spirituality and religiosity in psychotherapy — A representative survey among German psychotherapists, *Psychotherapy Research*, 21(2): 179–192. <https://doi.org/10.1080/10503307.2010.536595>.

Hornsey M.J., Harris E., Bain P., Fielding K.S. (2016) Meta-analyses of the determinants and outcomes of belief in climate change. *Nature climate change*, 6(6): 622–626.

Koenig H.G., Pritchett J. (1998) Religion and psychotherapy. In: Koenig H.G. (ed.) *Handbook of religion and mental health*. Cambridge: Academic Press: 323–336

Meadow M.J. (1986) Current and emerging themes in the psychology of religion. *Journal of Psychology and Christianity*, 5(2): 56–60.

Post B.C., Wade N.G. (2009) Religion and spirituality in psychotherapy: a practice-friendly review of research. *Journal of Clinical Psychology*, 65: 131–146. <https://doi.org/10.1002/jclp.20563>.

Radnitz S., Underwood P. (2015) Is Belief in Conspiracy Theories Pathological? A Survey Experiment on the Cognitive Roots of Extreme Suspicion. *British Journal of Political Science*, 47 (1): 1–17.

Anderson R.A., Inbar Y., Pizarro D.A. (2021) A matter of taste: Gustatory sensitivity predicts political ideology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 121(2): 394.

Schutz A. (2012) *Collected papers I. The problem of social reality*. Vol. 11. Berlin: Springer Science & Business Media.

Szasz T.S. (1974) The myth of psychotherapy. *American journal of psychotherapy*, 28(4): 517–526.

Taylor E. (1999) *Shadow culture: Psychology and spirituality in America from the Great Awakening to the new age*. Berkeley, California: Counterpoint.

Vitz P.C. (1994) *Psychology as religion: The cult of self-worship*. Michigan: W.B. Eerdmans Publishing.

Voas D., Crockett A. (2005) *Religion in Britain: Neither believing nor belonging*. Sociology, 39(1): 11–28.

Wood M.J., Douglas K.M., Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3: 767–773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W. (2018) Cognitive underpinnings of nationalistic ideology in the context of Brexit. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(19): E4532–E4540.

Источники

Религия и общество: мониторинг (2023) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>] (дата обращения: 30.09.2023).

FACTORS AND PREDICTORS OF SEEKING PSYCHOLOGICAL HELP FROM RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Sergey Tkach (s.tkach@spbu.ru),

Olga I. Burdina,

Veronika A. Odinkova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tkach S., Burdina O.I., Odinkova V.A. (2024) Faktory i prediktory obrashcheniya za psikhologicheskoy pomoshch'yu v religioznye organizatsii [Factors and predictors of seeking psychological help from religious organizations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 211–232 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.8>. EDN: DZISAS

Abstract. The article describes the impact of different components on seeking for mental help from agents of official religions. Among the components considered were conviction in enchantment, soothsaying, involvement of seeking for mental help from agents of conventional psychotherapy, the state of mind of familiar people towards treatment, and socio-demographic components. The hypothetical premise of the work is the multi-component show of cognitive constellation theory and R. Collins' hypothesis of the numerous faces of Christianity. The research object is inhabitants of St. Petersburg, the subject of the research is the variables affecting their looking for seeking for mental help from agents of official religions. The sample comprised of 1200 respondents, representative for St. Petersburg in sex and age. The purpose of the study was to establish how belief in magic, astrology, experience of seeking psychological help from representatives of traditional psychotherapy, the attitude of acquaintances towards therapy, and socio-demographic factors influencing the fact of seeking psychological help from representatives of official religions. Data obtained from the questionnaire survey were analyzed using at least squares regression model. The dependent variable was the rank scale of seeking psychological help from religious organizations. According to the results, one can note the relationship between positive experience of contacting psychotherapists and

the tendency to turn to religious organizations. The findings have renewed the debate about the religious or mystical nature of psychotherapy. Our results do not affect the scientific/parascientific nature of the very foundations of psychotherapy, but they reveal a connection about public perceptions of this issue. The nature of the connection in the minds of Russians between psychotherapy and religious practices is seen by the authors as a direction for further research. Also, the results obtained can serve as recommendations for the development of psychotherapeutic programs and methods that take into account the factor of religiosity in work.

Keywords: constellation theory, psychotherapy, religiosity, belief in the supernatural, factors in seeking psychological help.

Acknowledgements

The work was carried out with the support of St. Petersburg State University, project code 121062300141-5.

The authors would like to thank the reviewers for their thorough and fruitful comments.

References

- Abdullin A.G., Tumbasova Ye.R., Kukar U.Yu. (2023) Psikhologicheskiye posledstviya pandemii COVID-19 [Psychological consequences of the COVID-19 pandemic]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement], 28(1), 58–64. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64> (in Russian).
- Anderson R.A., Inbar Y., Pizarro D.A. (2021) A matter of taste: Gustatory sensitivity predicts political ideology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 121(2): 394.
- Bergin A.E. (1980) Psychotherapy and religious values. *Journal of consulting and clinical psychology*, 48(1): 95.
- Bergin A.E., Jensen J.P. (1990) Religiosity of psychotherapists: A national survey. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 27(1): 3–7. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.27.1.3>.
- Bessi A. (2016) Personality traits and echo chambers on Facebook. *Computers in Human Behavior*, 65: 319–324.
- Bessokirnaya G.P., Bolshakova O.A., Karakhanova T.M. (2023) Opyt issledovaniya duhovno-nravstvennogo sostojaniya rossijskogo obshhestva [Experience of researching the spiritual and moral state of Russian society] *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], 11(3): 6–36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1> (in Russian).
- Bianchi E.C. (1989) Psychotherapy as religion: Pros and cons. *Pastoral Psychology*, 38, 67–81. <https://doi.org/10.1007/BF01094868>.
- Bruce S. (2006) Sociology of Conversion: The Last Twenty-Five Years. In: Bremmer J.N., Bekkum W.J., Molendijk A.L. (eds.) *Paradigms, poetics, and politics of conversion*. Leuven: Peters: 1–11.
- Collins R. (1994) *Four sociological traditions: Selected readings*. Oxford: Oxford University Press.
- Collins R. (2004). *Interaction ritual chains*. Princeton: Princeton University Press.

Divisenko K.S., Belov A.Y. (2017) Social'nye issledovaniya subjektivnogo blagopoluchija v kontekste duhovnosti i religioznosti [Social studies of absorbent influence in the era of twentieth-century spirituality and religiosity]. *Sociologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 2: 51–73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159> (in Russian).

Dzialoshinskiy I., Pilgun M. (2015). Axiological Foundations of Business Ethics in the Post-Socialist Russia: Intercultural Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 5(3): 263–273.

Ellis A. (1980) Psychotherapy and atheistic values: A response to A. E. Bergin's "Psychotherapy and religious values." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 48(5): 635–639. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.48.5.635>.

Epstein M.N., Genis A.A., Vladiv-Glover S.M. (2015) *Russian postmodernism: New perspectives on post-soviet culture* (Vol. 3). Oxford, New York: Berghahn Books.

Freud S. (1989) *Budushhee odnoj illjuzii. Sumerki bogov* [The future is an illusion. Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Funk C.L. et al. (2013) Genetic and Environmental Transmission of Political Orientations. *Political Psychology*, 34(6): 805–819.

Furseth I., Repstadt P. (2006) *An Introduction to the Sociology of Religion. Classical and Contemporary Perspectives*. Burlington, VT: Ashgate.

Gavrilova Yu.V., Popova A.A. (2022) Rol' deprivatsii v transformatsiyakh individual'nogo religioznogo soznaniya v usloviyakh pandemii COVID-19 [The role of deprivation in transformations of individual religious consciousness under the COVID-19 pandemic]. *Sotsiologiya* [Sociology], 1: 184–192. (in Russian).

Habermas J., Tyagunova T. (2010). Raskoldovyvanie religiozno-metafizicheskikh kartin mira i vozniknovenie sovremennykh struktur soznaniya [Disenchantment of religious-metaphysical pictures of the world and features of the modern structure of consciousness]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 9(1): 27–52 (in Russian).

Hanegraaff W. J. (1997) *New Age religion and Western culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. New York: State University of New York Press.

Hofmann L., Walach H. (2011) Spirituality and religiosity in psychotherapy — A representative survey among German psychotherapists, *Psychotherapy Research*, 21(2): 179–192. <https://doi.org/10.1080/10503307.2010.536595>.

Hornsey M.J., Harris E., Bain P., Fielding K.S. (2016) Meta-analyses of the determinants and outcomes of belief in climate change. *Nature climate change*, 6(6): 622–626.

Isaeva V.B. (2014) Sovremennye konceptual'nye modeli sociologii konversii [Modern conceptual models of the sociology of conversion]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen], 166: 108–113 (in Russian).

Kamkhen V.B., Kaliyeva D.A., Nuralizoda M. (2021) Assotsiatsiya rasstroystv trevozhno-depressivnogo spektra i kachestva zhizni trudospособnogo naseleniya v kontekste covid-19 [Association of anxiety-depression spectrum disorders and quality of life of the working age population in the context of covid-19]. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh National Medical University], 1: 107–111 (in Russian).

Koenig H.G., Pritchett J. (1998) Religion and psychotherapy. In: Koenig H.G. (ed.) *Handbook of religion and mental health*. Cambridge: Academic Press: 323–336

Korsakov A.I. (2012). Religija i nauka v trudah osnovatelja pervogo pozitivizma [Religion and science in work are the basis of the first positivism]. *Vestnik Pravoslavno-go Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Episode 1: Theology. Philosophy. Religious Studies], 40(2): 80–92 (in Russian).

Meadow M.J. (1986) Current and emerging themes in the psychology of religion. *Journal of Psychology and Christianity*, 5(2): 56–60.

Post B.C., Wade N.G. (2009) Religion and spirituality in psychotherapy: a practice-friendly review of research. *Journal of Clinical Psychology*, 65: 131–146. <https://doi.org/10.1002/jclp.20563>.

Radnitz S., Underwood P. (2015) Is Belief in Conspiracy Theories Pathological? A Survey Experiment on the Cognitive Roots of Extreme Suspicion. *British Journal of Political Science*, 47 (1): 1–17.

Ries N. (2005) «*Ruskiye razgovory*»: *Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestrojki* ["Russian conversations": Culture and everyday speech of the era of perestrojka]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Rutkevich E.D. (2013) «Novaja paradigma» v sociologii religii: Pro i Contra ["New paradigm" in the sociology of religion: pros and cons.]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 6: 207–233 (in Russian).

Schutz A. (2012) *Collected papers I. The problem of social reality*. Vol. 11. Berlin: Springer Science & Business Media.

Shishigina M.A. (2022) Tsifrovyye praktiki v progressivnom iudaizme v Rossii vo vremya pandemii COVID-19 [Digital practices in progressive Judaism in Russia during the COVID-19 pandemic]. *Tsifrovaya iudaika: issledovaniye yevreyskikh obshchin v on-layn-prostranstve* [Digital Judaica: Exploring Jewish Communities Online], 1: 45–63. <https://doi.org/10.31168/0470-1.05> (in Russian).

Szasz T.S. (1974) The myth of psychotherapy. *American journal of psychotherapy*, 28(4): 517–526.

Taylor E. (1999) *Shadow culture: Psychology and spirituality in America from the Great Awakening to the new age*. Berkeley, California: Counterpoint.

Vitz P.C. (1994) *Psychology as religion: The cult of self-worship*. Michigan: W.B. Eerdmans Publishing.

Voas D., Crockett A. (2005) *Religion in Britain: Neither believing nor belonging*. Sociology, 39(1): 11–28.

Volodina K.A., Ragulina A.A., Rusyayeva I.A. (2022) Psikhologicheskoye sostoyaniye studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya v period pandemii COVID-19 [Psychological state of students during distance learning during the COVID-19 pandemic]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 10(1): 59–72 (in Russian).

Wood M.J., Douglas K.M., Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3: 767–773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

Yakovleva Ju.A. (2015) *Faktory netradicionnoj religiozno-grupповoj identifikacii individov* [Factors of non-traditional religious group identification of persons]. *Aktual'nye*

problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Issues in the Humanities and Construction Sciences], 3–2: 250–252 (in Russian).

Yakshimbetova A.I. et al. (2022) *Trevoga i depressiya u patsiyentov, perenesshikh novuyu koronavirusnuyu infektsiyu SARS-CoV-2* [Anxiety and depression in patients who have survived the new coronavirus infection SARS-CoV-2]. *Re-health journal*, 2: 95–98 (in Russian).

Yurchak A.V. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W. (2018) Cognitive underpinnings of nationalistic ideology in the context of Brexit. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(19): E4532–E4540.